

Грузовая лебёдка с электрическим приводом медленно опускает клетку на мраморный пол. Голодные суки скулят, вжимаясь мордашками в стальные прутья, тянутся руками к заветному лакомству.

— Да пребудет с вами семья Искусителя, — торжественно ревёт Веня Дырko на весь Храм. — Да разверзнутся Врата Ада и войдёт Сатана в чрево ваше.

Девушки-студентки, доившие меня весь вечер, облачаются в стрэпон-амуницию. Огромные члены бледно-розовыми огурцами торчат из треугольных пластиковых основ, головки лощёными сливами мерцают в полумраке Храма. Красотки осторожно приближаются к Клетке, где альфы задницами елозят по прутьям. Выгибая спины, тигрицы ждут своей очереди, надеются на скорейшее разрешение бирюзовой зависимости. Молоденькие девочки — все, как одна, девственницы, выстроились вокруг Клетки. Они не знают греха, смотрят на ломку падших рабынь большими глазами.

— Девственниц легче обучать, — признаётся Мюллер, проведывая меня по воскресеньям. Он устал от секса на работе, папочка Познер придумал новое развлечение: причащение через губное помазание, дабы не травить импотентскую душу.

Мне плевать на экзистенциальный кризис Секты. Подтягиваюсь на трубе до мышечных спазмов, как Сара Коннор, пока семнадцать мгновений распинается в кормушку:

— У девственницы мозг не так устроен. Девственный мозг имеет одну характерную особенность, в отличие от затраханного.

— Какую?

— Страх, — Мюллер подмигивает. — Девственницы больше всего на свете боятся сексуального насилия. Поэтому они такие малодушные. Малодушные-послушные.

— Много их у вас? — поддерживать разговор с мозгоправом — как в кошачьи игры играть: он тебя лапой, ты его зубами.

— Нынче молодёжь не та, — Павел Валерьевич, притворно улыбаясь, покачивает головой, выражая неодобрение. — Вот ты во сколько лет девственность потерял?

— Ну в двадцать.

— «Ну в двадцать», — дразнит Мюллер. — Значит не уродился ты, Дима, красавчиком! — хихикает. — Нынче, чем баба красивее, тем пломба слабее.

— А как вы проверяете?

— Есть один надёжный способ, — Мюллер опять подмигивает, хихикает.

Мне можно не объяснять. Способ у «Вирекса» один. Подсаживают на иглу, сыворотку сермяжной правды. Дальше исповедь. По результатам собеседования сливают кандидатку, как порченую, или, наоборот, причащают, как благоверную — алмаз негранёный.

Мюллер уходит, похохатывая напоследок:

— Ладно, ты не сдавайся, Дима. Нам нужны твои яйца. В них, как говорят Веня, — сила.

Охранник захлопывает кормушку.

Они все невинницы — девушки новой церкви. Как и рыжая, причащаются через помазание. Никаких контактов сексуального характера, если не считать ритуальных игр.

Кормление голодных озверевших альф проходит под лязг решётки — так падшие ангелы в Клетке выражают воодушевление, принимая бирюзовый наркотик. Задницы альф,

вдавленные в прутья, горят желанием, распахнуты розовыми щелями вагин и узелками анусов. Пластиковые члены доставляют дозу на кончиках головок прямо в матку.

Девочки-девственницы в стрэпонах отступают, шокированные увиденным.

Через минуту Тигровая Клетка завалена женскими телами, сладострастные удовлетворённые лица застыли в наркотическом опьянении. Для них разверзлись Врата Ада, семя Искусителя вошло в чрево.

###

Пирамида «Вирекса» на секунду накренилась, чтобы впитать в себя новые соки. Девственницы занимались доением, они практически жили в Храме. Второй эшелон уходил в поле работать, надеясь на скорейшую дозу. Альфы получали штрафной паёк бирюзы для оказания помощи нуждающимся.

С момента моего прихода в Секту ничего не изменилось. Ничего! Я стал заложником, узником совести. Я вышел на неравный бой с Сектой и проиграл. Пирамида впитала меня как дождевого червя и выплюнула через клоаку. Биоматериал, каким я по сути являлся, жил в клетке подземелья, как микроб, наматывал месяц за месяцем бессрочного заточения, бил ключом из бивня, задиравшегося при малейших поглаживаниях. Я сходил с ума от невозможности контролировать поток удовольствия, диктуемого извне.

Меня доили на убой.

###

Примерно через полгода после начала регулярных вечерних доений я начал замечать небольшое круглое вздутие под кожей в районе ануса. На ощупь оно было твёрдым, как арбузное семечко. Я боялся давить, подкожный гнойник казался временным недоразумением. Но семечко росло, с каждым днём становилось более округлым и твёрдым, как подшипниковый шарик. Я боялся говорить о таких «мелочах» с тюремщиками и уж тем более с главным инквизитором. Внутренне я почти сразу смирился с мучительной смертью, ожидавшей меня в результате разрыва разросшейся опухоли.

Она росла под мошонкой, крепилась грецким орехом к прямой кишке изнутри. С каждым днём давление становилось всё более ощутимым.

«Меня ждёт ужасная позорная смерть», — думал я.

При ходьбе я уже чувствовал дыхание смерти. Круглое яйцо в анусе, как теннисный шарик, тёрлось о мышцы, играло в промежности, зудело в сфинктере. Мне было не до смеха. По ночам я думал о том, как страшна смерть от рака прямой кишки. Вспоминал Химику, ведь это он придумал змею, генно-модифицировал странную тварь, присосавшуюся к члену. Обжорство и обилие секса, наряду с повышенной агрессивностью и физической активностью, свидетельствовали о повышенном гормональном фоне в моей крови. Я и чувствовал, что энергия бьёт ключом. отдавал отчёта в происходящем. Мне казалось, что я сплю и нужно срочно лечь спать, чтобы кошмар прекратился.

Проснулся я только к двенадцати. В полной задумчивости ходил я весь день по камере. Иногда я заглядывал в ящик стола, чтобы убедиться, что яйцо на месте. Я брал его в руку, подкидывал. Но потом клал на место. Пропало желание остервенело заниматься спортом, ушёл обычно зверский аппетит. Даже рыжая Весталка не вызвала у меня приятного оживления в пухлых яйцах. Член вяло отреагировал на её зазорные ручки. Она по традиции напялила кучу презервативов на гигантский фаллос, и вместе с охранником они потащили меня в Храм. В тот вечер я быстро отстрелялся, и желание сношать девственниц-доярок легко

контролировалось сознанием соучастия. Я ухмылялся, поглядывая на Весталок, затачивающих рог до яркого блеска. Они не знали, что спокойствие, возникшее после отторжения яйца из ануса, теплом распространилось по моему телу, вернулось холодным расчётом в расслабленный мозг. В тот вечер я впервые кончал, не потому что Секта приказала, а потому, что я сам захотел избавиться от бирюзы в яйцах.

Вечером, после доения, я не рухнул обессиленный на кровать, не бросился к холодильнику. Наоборот, я чувствовал метаморфозы во всех членах, успокоение, желание жить. Эта главная перемена в настроении произошла ещё утром. Утрата опухоли, а с ней и страхов, помогла уснуть в тот вечер спокойным крепким сном.

###

Рыжая Весталка была главной достопримечательностью Секты Семи Ключей. Ни одно представление Вени Дырко не обходилось без присутствия зеленоглазой ведьмы, ни один безумный ритуал, выдуманный им на ходу, не исполнялся без яркого пламени листьев осени, разлетающихся повсюду шальными искрами. Она пришла на смену Рае Мартысевич, которую я так неудачно обратил в бирюзовую веру. Ведь именно Рая, присягнув мне в верности, выдала себя излишней брезгливостью по отношению к бывшему Хозяину.

Новая Рыжуха плавала по коридорам Храма так же легко и безмолвно, так же вяло вела пальчиком тонким по мокрой стене подземелья. В золотых побрякушках, она побрякивала колечками в клиторе и толстых сосках, повиливала цепочками, свисающими от ошейника к подвижным сферам груди и вниз к выбритой заштопанной вагине. Не по годам развитая девственница колыхала параболами бёдер, сжимая рубин в попе, анусом обсасывая его при ходьбе. Её круглые широко распахнутые глаза лишь изредка хлопали крыльями ресниц. Детский зомбированный взгляд застывал на две тысячи ярдов, скользил с одинаковым участием по мебели и людям, холодным стенам и возбуждённым охранникам. Она была ребёнком — большим внезапно созревшим переростком, затаившим обиду глубоко в сердце. Сложно было выделить в её внешности сексуальность. Охотники не стреляют в жар-птицу, охранники почтительно склоняют головы перед Весталкой-девственницей. Даже рубин величиной с куриной яйцо, сверкавший в сферах ягодиц, как глаз дракона, она носила величественно, будто не было хрустального конуса, распиравшего прямую кишку изнутри.

Рыжая приходила убираться по понедельникам. Я стоял пристёгнутый к станку, охранник дежурил под дверью, поглядывая в глазок. В этой молчаливой картине шуршание швабры по полу сменялось полосканием тряпки. Мои глаза непрестанно следили за рубином в заднице, как он вальсирует по камере. Так Ганнибал Лектор изучал повадки конвоиров, выискивая лазейку, так я искал в этом рубине разгадку к своим страданиям. Рыжая драили бетонный пол, затем протирала пыль с немногочисленной мебели: стол, кровать, стул, книжная полка. Влажная уборка всегда проходила по плану, ничто не предвещало нелогичности развязки.

###

Укус пришёлся в запястье. Рыжая ойкнула, отдёргнула руку и, уставившись на две красные точки, принялась дуть на них. Цепочки на теле зазвенели, медленно покачнулись из стороны в сторону. Тело рыжей быстро налилось свинцом. В последний момент она успела рухнуть на стул и, откинув назад детское личико с пышным пожаром осени за спиной, уставиться в потолок немигающим стеклянным взглядом.

Затаив дыхание, я следил за происходящим, не веря собственным глазам, которые я невероятным усилием скосил в сторону стола.

Жёлтая в крапинку полуметровая змея выглянула из выдвижного ящика, знакомым блеском бусинок обвела келью в поисках жертвы. Любопытный лепесток двузубца мелькнул и тут же скрылся. Змея шлёпнулась на пол и устремилась к рыжей Весталке. Та лежала, раскинув ляжки в стороны, развалив пышный зад на стуле. Защитая спицей вагина, припухлая, красноватая, зияла тонкой щелью.

Я представил, как змея, не найдя члена у Рыжей, переметнётся ко мне, и нервно сглотнул. Неподвижный скошенный взгляд моих глаз, не мигая, следил за изгибами змеи, как она взбирается по пышной ножке, обвивая коленную чашечку, находя в ней упор.

«Ещё одно удлинение члена я не переживу», — с ужасом думал я.

В следующий момент змея впилась в клитор Рыжухи, вытянутый наружу замочком-сердечком, обволокла пастью нежную розовую плоть, оставляя рубиновое сердечко болтаться сверху. Хвост змеиный почти тут же опал к бетонному полу, заколыхался монотонным маятником.

Про себя я вздохнул с облегчением. Странные мысли копошились в голове. Девственница с недетским оружием между ног наломает дров, думал я.

Так мы лежали каждый в своём коконе следующие полчаса. Я замороженно следил за пробуждением рыжей. Кожаный ремешки удерживали мои члены от необдуманных поступков. Змеиный яд парализовал рефлексы рыжей, но не лишил её сознания. Она всё видела и чувствовала. Во рту у меня находилась боксёрская капа, и я мог лишь мычать, выражая нетерпение.

Как поступит рыжая с необычным подарком, разродившимся из моей задницы, спрашивал я себя. О том, что змея вылупилась и ждёт жертву, у меня не было и мысли.

Рыжая медленно шевелила руками, вращала головой, играя кучерявым водопадом красной бушующей листвы за спиной. Она вдруг села прямо и двумя руками схватила змею за хвост. Натянула её, болезненно скривилась, ощутив, видимо, разрыв в месте соединения с клитором. Острый кончик хвоста оторвался и остался у неё в руках. Она вылупилась на него, приоткрыв ротик.

Я замычал, замотал головой, насколько давали возможность кожаные ремешки, крепившие лоб.

Моё усилие привлекло внимание новоявленной хранительницы бирюзового счастья.

— Сейчас я вам помогу, — заметусилась она, растёгивая ремешки, которыми я крепился к каркасу доильного станка.

— Ты можешь отвлечь охранника? — хрипло зашептал я замлевающим наполненным слюной ртом, когда совместными усилиями мы наконец освободили моё лицо от маски Ганнибала.

— Я могу сделать ему минет. Он давно намекал, — зелёные ирисы с пониманием блеснули, знаменуя переход под моё начало.

— Спрячь пока что змею в анус. Когда закончишь, ты должна исчезнуть. Встретимся через два часа, — я назвал адрес конспиративной квартиры, которую готовил для себя ещё в период подготовки к революции.

— Как в анус? — Рыжая захлопала махаонами ресниц, приоткрытый детский ротик вздрогнул непониманием.

— Как, очень просто, — я скривился, обнажая улыбку анаконды. — Можешь через плечо, но я бы посоветовал между ног.

Она стояла, опустив руки, хлопая огромными ресницами, полная недоумения. Толстая

тридцатисантиметровая змея болталась между бёдер, как хобот слона. Она уже потеряла крапчатый окрас, слилась с бледно-веснушчатой кожей Весталки.

Мы поступили мудро: вытянули конус из задницы Алёны — так звали рыжуху, просунули хобот меж её ног и ввели конец змеи в анус. Он вошёл на пятнадцать сантиметров, плотно засел там, стягивая промежность мясистой тканью змеиного тела.

— Почти незаметно, — я осматривал новообразованный памперс. — Теперь иди к охраннику. Нам повезло. После обеда в Храме Семи Ключей не осталось ни души. Даже девственницы-доильщицы были отпущены в город для выполнения общественно полезных задач. До вечерней дойки оставалось три часа.

Алёна выскользнула за дверь, слышались голоса. Непринуждённый разговор с охранником, скучавшим в подсобке, перерос в откровенный флирт. Рыжая никогда раньше даже рта не открывала, а тут сама предложила услуги. Я крался по коридору, всматривался в свет, горевший в конце туннеля. Впервые за долгие месяцы заточения, я почувствовал дыхание свободы. Я боялся дыхнуть, споткнуться, чтобы случайно не нарушить магию момента. За дверью подсобки за моей спиной слышались умиротворённые мужские постанывания, громкие засосы, почмокивания ознаменовали новую эру.